МОСКОВСКІЙ КНИГОПЕЧАТНИКЪ

ИВАНЪ ѲЕДОРОВЪ

(Iwan F. Impressor Rutenus.)

П. К. ВОРЗАКОВСКАГО.

Типо-Литографія Е. ФЕСЕНКО, Греческая, № 28-й.

1884.

МОСКОВСКІЙ КНИГОПЕЧАТНИКЪ

XVI ВѢКА

ИВАНЪ ѲЕДОРОВЪ

(Iwan Fedorowicz Impressor Rutenus).

П. К. Борзаковскаго.

ОДЕССА.
Типографія Е. Фесенко, Греческая улица, домъ Маврокордато, № 28-й.
1884.

Дозволено цензурою. Одесса, 22-го Мая 1884 года.

«...Не ꙋ҆дѡ́бно ми бѣ ра́ломъ ни́же сѣменъ сѣѧ́нїемъ вре́мѧ живота̀ своегѡ̀ съкращати, но и҆ма́мъ ꙋбо въ мѣсто ра́ла хꙋдо́жьство на́рꙋчныхъ дѣлъ съсꙋ́ды, въ мѣстоже житныхъ сѣменъ дꙋ҆хо́внаѧ сѣмена по вселеннѣи розсѣвати.»

(Ив. Ѳедоровъ, Послѣсловіе Апост. 1574 г.).

«Мо́лимъ вы́ и на́съ не забыва́йте трꙋди́вшихсѧ!»

(П. Мстиславцевъ, Послѣсл. Еванг. Напрест. 1574 г.).

Мм. Гг.!

Избирая предметомъ сообщенія въ сегодняшнемъ собраніи *) жизнь и личность Московскаго книгопечатника Ивана Өедорова, я не сомнѣваюсь, что своевременность и умѣстность слова о замѣчательномъ русскомъ человѣкѣ XVI вѣка будетъ признана всѣми. Недавно, 5-го Декабря прошлаго года, слѣдовательно, почти въ срединѣ года, если можно такъ назвать, Кирилло-Меѳодіевскаго, ограничивъ начало и конецъ этого года 11-мъ Мая, Россія праздновала 300-лѣтіе смерти «перваго друкаря» Ивана Өедорова. Характеристика нравственной личности этого друкаря, которую я постараюсь сдѣлать, подтвердитъ и умѣстность слова, если бы недостаточно было для этого подтвержденія одного факта дѣятельности Өедорова на пользу того дѣла, которое, какъ могущественное средство, окрылило мысль человѣческую. [1])

Не смотря на то, что исполнилось уже 300 лѣтъ со дня смерти Ивана Өедорова, о жизни и личности этого дѣятеля книгопечатнаго дѣла мы знаемъ, по-прежнему, немного. Только послѣдній періодъ его жизни во Львовѣ (1573—1583 г.) выяснился сравнительно лучше, благодаря

[1]) Сообщеніе сдѣлано въ торжественномъ собраніи Одесскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества имени Св. Кирилла и Меѳодія 11-го Мая 1884 года.

счастливому стеченію обстоятельствъ—открытію въ Львовскихъ архивахъ серіи документовъ, по которымъ личность Ѳедорова дѣлается болѣе опредѣленною. [2]) Все же, что касается жизни его до этого времени, основывается почти исключительно на предисловіяхъ и послѣсловіяхъ, составленныхъ самимъ Иваномъ Ѳедоровымъ и напечатанныхъ при изданныхъ имъ книгахъ въ періодъ между 1564 и 1581 г., [3]) да на небольшихъ статьяхъ-сказаніяхъ «О воображеніи книгъ печатнаго дѣла». [4]) По всѣмъ этимъ даннымъ судьба Московскаго книгопечатника представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Царь Грозный, видя сильное распространеніе книгъ, искаженныхъ ошибками неграмотныхъ писцовъ, и въ то же время—безплодность мѣръ, на какія было указано Стоглавымъ Соборомъ, [5]) пришелъ къ той мысли, что лучшее и единственное средство помочь бѣдѣ и дать православнымъ безъ ошибокъ и искаженій написанныя книги — замѣнить книги рукописныя печатными. Для этого необходимо было завести типографію въ Москвѣ, «яко же въ Грекахъ, и въ Нѣмецкихъ земляхъ, въ Виницѣи (Венеціи), и въ Ѳригіи (т. е. у Фряговъ), и въ Бѣлой Русси, въ Литовстѣй земли и въ прочихъ тамошнихъ странахъ». [6]) Грозный сталъ совѣтоваться объ этомъ съ митрополитомъ Макаріемъ; послѣдній одобрилъ мысль царя [7]); стали искать способныхъ мастеровъ и, по повелѣнію царя, не щадившаго собственныхъ средствъ на устройство книгопечатни и поддержаніе мастеровъ, приступили къ постройкѣ дома. Это было въ 1553 году. Скоро отыскались и мастера: діаконъ церкви Николая Гостунскаго Иванъ Ѳедоровъ, уроженецъ дер. Никола-Гостуни, въ Лихвинскомъ уѣздѣ, Ка-

лужской губерніи, и Петръ Тимофѣевъ Мстиславцевъ, вѣроятно, бѣлоруссъ (изъ Мстиславля?), его клевретъ. Оба они «искусни бяху и смыслени къ таковому хитрому дѣлу», какъ говоритъ «Сказаніе извѣстно». Замѣчательно, что только 19-го Апрѣля 1563 года мастера эти приступили къ печатанію, а 1-го Марта 1564 года была отпечатана первая книга: «Дѣянія Апостольска и Посланія соборная и Святаго Ап. Павла Посланія». Новость дѣла поразила всѣхъ, привыкшихъ читать только по рукописнымъ книгамъ. Съ другой стороны—книгопечатаніе дѣлало большой подрывъ всѣмъ писцамъ, для которыхъ переписка служила профессіей, кормившей ихъ. Обоихъ мастеровъ не замедлили обвинить въ ереси, самомъ страшномъ тогда преступленіи: «.... на насъ — говоритъ Ѳедоровъ — зависти ради многія ереси умышляли, хотячи благое въ зло превратити и Божіе дѣло въ конецъ погубити....» [8]) Ѳедорову и Мстиславцеву угрожала большая опасность, и они сочли за лучшее бѣжать изъ Россіи, въ которой и домъ, гдѣ была устроена типографія, говорятъ, былъ сожженъ людьми, считавшими книгопечатаніе ересью. [9])

Какъ отнесся Грозный къ этому случаю вынужденнаго бѣгства его книгопечатниковъ? Отвѣтить достовѣрно нельзя по отсутствію какъ бы то ни было указаній; можно только констатировать фактъ, что Грознаго, подвергнуться подозрѣнію котораго въ то время хоть и было уже слишкомъ рискованно, не боялись книгопечатники. [10]) Такимъ образомъ по матеріаламъ, какіе существуютъ, первые книгопечатники Московскіе подверглись общей участи тружениковъ этого дѣла: Москва не отстала въ этомъ отношеніи отъ Франціи, гдѣ появленіе печатныхъ книгъ было встрѣчено

признаніемъ ихъ дьявольскими и сожженіемъ, и Германіи, гдѣ первые книгопечатники подверглись гоненію.

Ѳедоровъ и Мстиславцевъ бѣжали въ Литву. Книгопечатаніе въ Литвѣ и Польшѣ не было уже новостью, а потому совершенно понятенъ благосклонный пріемъ, какой оказанъ былъ Ѳедорову и Мстиславцеву королемъ Сигизмундомъ и каштеляномъ (паномъ) виленскимъ Ходкевичемъ. Послѣдній отнесся особенно сочувственно, какъ истый меценатъ. «Отъ его милости пана Григорія Ходкевича всякими потребами тѣлесными—пищею и одеждою—удоволенъ бѣхъ....» [11]) «Еще же и сія недовольно ему бѣ, еже тако устроити насъ, но и весь не малу дарова ми на упокоеніе мое....» [12]) Эта «весь не мала»—село вблизи Заблудово, гдѣ и была устроена типографія. Русскіе книгопечатники напечатали здѣсь: въ 1569 г. «Книгу, зовомую Евангеліе учительное» и Псалтирь съ Часословомъ —въ 1570 г. [13]) Ѳедоровъ очень неясно говоритъ о причинахъ, по которымъ ему пришлось прекратить занятія у Ходкевича: ссылки на старость и нездоровье послѣдняго, конечно, ничего не объясняютъ; но неоднократно упоминаетъ о томъ, что Ходкевичъ предложилъ ему, прекративъ занятіе книгопечатаніемъ, остаться мирнымъ владѣтелемъ помѣстья, сдѣлаться земледѣльцемъ. Но, говоритъ книгопечатникъ, «неудобно ми бѣ раломъ ниже сѣменъ сѣяніемъ время живота моего съкращати, но имамъ убо мѣсто рала художьство наручныхъ дѣлъ съсуды, въ мѣсто же житныхъ сѣменъ духовная сѣмена по вселеннѣй разсѣвати... [14]) Предпочтя такимъ образомъ трудъ, Ѳедоровъ оставляетъ Заблудово и избираетъ мѣстомъ своей дальнѣйшей дѣятельности Львовъ, между тѣмъ какъ его клевретъ Мстиславцевъ, еще до начала печатанія Псал-

тири и Часослова, отправляется въ Вильно для занятій въ типографіи Мамоничей.

Является Өедоровъ во Львовъ нищимъ. Громадныхъ усилій стоитъ ему, претерпѣвшему уже и на пути немало трудностей, [15]) достать средствъ для открытія типографіи. Приходилось просить, кланяться, убѣждать и... основать, наконецъ, типографію на скудную лепту бѣдной вдовы: «не точію въ русскомъ народѣ, но ниже въ грекахъ милости обрѣтохъ, но мали нѣцыи въ іерейскомъ чину, иніи же не славніи въ мирѣ обрѣтошася помощь подающе...» [16]) Такъ темна исторія удаленія Өедорова отъ «его милости пана Григорія Ходкевича!» Покровитель типографа отпускаетъ послѣдняго нищимъ, предлагая въ то же время богатое помѣстье. Неужели тутъ ревнивое охраненіе славы, которая затмилась-бы при дальнѣйшемъ распространеніи печатныхъ книгъ съ посвященіями другимъ меценатамъ?....

Во Львовѣ Өедоровъ не засталъ себѣ конкурента; не было вовсе типографскаго цеха; но это не устранило самыхъ сильныхъ препятствій въ родѣ тѣхъ, какія встрѣтилъ онъ со стороны цеха столярнаго, сыгравшаго роль тормаза въ дѣлѣ Московскаго друкаря. [17])

Съ трудомъ удалось къ 25 Февраля 1573 г. начать, а къ 15 Февраля 1574 г. окончить печатаніе Апостола. Экземпляръ этого Апостола, какъ святыня, какъ единственная память о Өедоровѣ во Львовѣ, хранится монастырской братіей въ ея обители, и печаталъ ли Өедоровъ другія книги во Львовѣ, можемъ только предполагать. Предположеніе это, правда, будетъ тѣмъ основательнѣе, что, какъ видно изъ архивныхъ документовъ, прочитанныхъ и сообщенныхъ г. Пташицкимъ, Өедоровъ, живя во Львовѣ,

велъ сношенія съ разными городами, пользовался общимъ довѣріемъ, которое открывало ему значительный по-тогдашнему кредитъ, и вообще поставилъ дѣло такъ, что въ глазахъ торговаго люда оно представляло большую гарантію. [18]) И все таки Өедоровъ не могъ окончательно устроиться во Львовѣ. Въ 1579 г., заложивъ типографію и 140 русскихъ книгъ еврею Якубовичу за 411 злотыхъ онъ переселяется въ Острогъ къ князю Константину Острожскому, съ которымъ, вѣроятно, еще раньше заключилъ условіе, и тамъ приступаетъ вмѣстѣ съ нанятымъ имъ помощникомъ къ печатанію книгъ: въ 1580 году напечаталъ онъ Псалтирь и Новый завѣтъ, а въ 1581, наконецъ, и знаменитую Острожскую Библію, которая и заканчиваетъ рядъ изданій Өедорова, по крайней мѣрѣ, извѣстныхъ. Дальше мы видимъ Өедорова опять во Львовѣ. Мысль о продолженіи дѣла не покидаетъ его ни на минуту. Кстати: и дѣло удалось ему поставить довольно прочно. Онъ заводитъ новый шрифтъ, заключаетъ условіе съ помощникомъ, по которому обязывается заплатить послѣднему большую, по-тогдашнему, сумму 200 злотыхъ, платитъ впередъ 100 злотыхъ бумажному фабриканту, заключаетъ сдѣлки въ Краковѣ и т. п. [19]) Недолго осталось ждать приведенія въ порядокъ всѣхъ дѣлъ, но 5-го Декабря 1583 г. Өедоровъ умираетъ, оставивъ долги и должниковъ. Умеръ Өедоровъ на Подзамчѣ, предмѣстьѣ Львова, гдѣ жилъ съ сыномъ, и похороненъ при Свято-Онуфріевскомъ монастырѣ. На камнѣ надгробномъ было сдѣлано изображеніе герба Өедорова и вырѣзана надпись: «Іоаннъ Өедоровъ, друкарь москвитинъ, который своимъ тщаніемъ друкованіе занедбалое обновилъ, преставися во Львовѣ року 1583 декабря... Положенъ.... воскресеніе 3 мертвыхъ

чаю. Друкарь книгъ предъ тѣмъ невиданныхъ». [20]) Что же сталось съ типографіей Ѳедорова?

По рѣшенію суда, она, вмѣстѣ съ 140 книгами, о которыхъ говорено выше, перешла, конечно, въ руки еврея Якубовича, предъявившаго искъ наканунѣ смерти Ѳедорова и просившаго признать все это его собственностью. [21]) Потомъ уже перешла она, благодаря энергіи Львовскаго православнаго епископа Гедеона, въ собственность русскаго братства при церкви Успенія Богородицы и послужила основаніемъ нынѣшней типографіи русскаго ставропигійскаго института во Львовѣ. *)

Такова судьба Ивана Ѳедорова. Уже сама по себѣ исторія его жизни оправдываетъ желаніе потомства почтить память этого труженика достойнымъ образомъ. Черты нравственной личности Ѳедорова еще больше убѣждаютъ насъ въ этомъ. При чтеніи всѣхъ его Предисловій и Послѣдствій, передъ нами самъ собою возстаетъ образъ человѣка, прежде всего до энтузіазма преданнаго одной идеѣ, которой посвятилъ онъ жизнь. Идею эту достаточно ясно формулировалъ Ѳедоровъ словами, приведенными выше, какъ мотивъ, почему отказался онъ отъ выгоднаго дара Хадкевича. [22]) Только силой руководившей имъ идеи, твердостью разъ составленнаго убѣжденія и граничившей съ энтузіазмомъ любовью къ дѣлу можемъ мы объяснить тѣ факты, кото-

---

*) Грамота Гедеона Балобана, изд. 1385 г., подлинникъ которой сберегается въ архивѣ Львовскаго Ставропигійскаго заведенія, напечатана у о. Петрушевича (стр. 26 — 29), который приводитъ ее собственно для подтвержденія того, что умеръ Ѳедоровъ «въ жалкомъ состояніи». Все то, что извѣстно о Ѳедоровѣ изъ его жизни во Львовѣ, даетъ, однако, возможность думать, что бѣдность его подъ конецъ жизни была меньше, чѣмъ когда явился онъ во Львовъ.

рыми полна его біографія, не смотря на скудость біографическаго матеріала. Если бѣгство изъ Россіи могло быть вызвано опасеніемъ со стороны Өедорова, подвергнуться расправѣ невѣждъ и подозрѣнію царя, то оставленіе Заблудова и предпочтеніе бѣдности и труда, въ крайнемъ случаѣ, довольству и покою, является фактомъ, достойнымъ полнаго почтенія. Далѣе. Онъ рѣшается идти въ неизвѣстное ему мѣсто, переносить всѣ трудности путешествія, для чего? «Яже на пути случающаямися ни во что же вмѣняхъ, да Христа моего пріобрящу....» [23])

Посмотрите на жизнь Өедорова во Львовѣ. Нищій отецъ вовсе не думаетъ повести сына по другой, болѣе удобной, дорогѣ: онъ дѣлаетъ его переплетчикомъ, своимъ ближайшимъ помощникомъ, участникомъ въ рискованномъ предпріятіи. [24]) Явился туда Өедоровъ безъ всякихъ средствъ, принялся за дѣло, новое для города, въ которомъ тогда были уже всѣ цехи, кромѣ типографскаго, и скоро заслужилъ общее довѣріе: ему всѣ вѣрятъ, за него становятся поручителями. Едва ли для торговаго люда, который не могъ не видѣть, сколько препятствій встрѣчалъ Өедоровъ на каждомъ шагу и какъ постоянно входилъ въ долги, достаточно было одного дѣла печатника: вѣдь, собственно изъ всѣхъ кредиторовъ надежная гарантія была только въ рукахъ еврея Якубовича, а всѣ прочіе кредиторы—христіане—русскіе — такой гарантіи не имѣли. Нельзя сомнѣваться, что не послѣднюю роль играла тутъ и увѣренность въ человѣкѣ, съ которымъ пришлось имѣть дѣло, а у всѣхъ, кто близко зналъ Өедорова, не могло не быть фактовъ, хоть бы подобныхъ слѣдующему. Нарушивъ условіе, по которому стороны должны были заплатить довольно боль-

шую неустойку, помощникъ Өедорова Гринь оставилъ хозяина, ушелъ въ Вильно и тамъ, по заказу, сдѣлалъ два шрифта. Когда онъ былъ отысканъ, то очутился въ полной зависимости отъ Өедорова; но послѣднiй милостиво съ нимъ обошелся, вовсе не воспользовался своими правами, уничтожилъ записи и заключилъ мировую... [25]) Прiйдя во Львовъ, Өедоровъ сразу же сталъ искать средствъ для открытiя типографiи. Сочувствующихъ онъ не встрѣчаетъ, своихъ средствъ нѣтъ, что дѣлать? Началъ я—разсказываетъ онъ—улаживать дѣло, обращался ко всѣмъ, «помощи прося отъ нихъ и метанiе сътворяя, колѣномъ касаяся, и припадая на лицы земномъ, сердечно каплющими слезами моими ноги ихъ омывалъ, и сiе не единою, ни дващи, но и многащи сътворихъ...» [26]) Какъ бы поясняя тоже самое, прибавляетъ онъ ниже: «наше убо есть со смиренiемъ просити и начинати....» [27]) Всѣ препятствiя и неудачи не только не ослабляли энергiи печатника, но, кажется, еще болѣе воодушевляли его. Онъ напрягалъ послѣднiя усилiя и продолжалъ «свое дѣло къ устроенiю навершати». Въ этомъ отношенiи Өедоровъ представляетъ рѣдкiй образецъ не только энергiи, но и выдержанности. То, о чемъ онъ только и думалъ еще въ Москвѣ, было его задушевной мечтой, самымъ дорогимъ желанiемъ и наканунѣ смерти, когда Якубовичъ дрожалъ уже, ожидая рѣшенiя суда. Всѣ эти черты нравственной личности Ивана Өедорова—полная преданность идеѣ, горячая любовь къ дѣлу, замѣчательная энергiя, рѣдкая выдержанность, честность и проч.—даютъ ему полное право на вниманiе и благодарность потомства, которое только исполнитъ свой долгъ, если въ городѣ, такъ непривѣтливо встрѣтившемъ русскаго

друкаря 300 лѣтъ тому назадъ, поставитъ ему памятникъ. Вопросъ только въ томъ: будетъ ли право потомства, если, поставивъ памятникъ, украситъ его надписью, буквальный смыслъ которой увѣковѣчитъ за Иваномъ Ѳедоровымъ имя «перваго русскаго первопечатника», не имѣвшаго предшественниковъ? Имя это уже дано Ѳедорову. Посвященное напр. спеціально печатному дѣлу изданіе, по случаю 300-лѣтія смерти Московскаго книгопечатника, выпустило №, который озаглавленъ: «300-лѣтіе перваго друкаря на Руси», и помѣстило статью, въ которой на вопросъ: «кто былъ первымъ книгопечатникомъ на Руси?» дается категорическій отвѣтъ: «....является — говоритъ авторъ — несомнѣннымъ убѣжденіе, что Иванъ Ѳедоровъ не имѣлъ въ Россіи предшественниковъ, и что онъ, именно онъ, а не кто другой, былъ первымъ типографомъ на Руси.» [28])

Въ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ, посвященныхъ тому же случаю, называли Ѳедорова иногда просто «первымъ русскимъ книгопечатникомъ». Мнѣніе это изрѣдка подвергалось бѣглой критикѣ, давшей отрицательные результаты, заявлявшей сомнѣніе... Я думаю, что вопросъ о томъ, былъ ли Ѳедоровъ первымъ книгопечатникомъ *русскимъ* и *на Руси*, не разлученъ съ вопросомъ о его личности, почему, покончивъ съ однимъ, я и позволю себѣ коснуться другаго, боясь излишняго, ни къ чему не ведущаго, увлеченія больше, чѣмъ какого бы то ни было вывода.

Книгопечатаніе въ Россіи является сравнительно поздно. Въ Краковѣ началось оно еще въ 1491 г., въ 1493—95 годахъ печатаніе шло уже въ Цетинѣ (Черная Гора), въ 1507—въ Кроаціи, въ 1512—въ Угровалахіи, въ 1517—19—въ Прагѣ; въ Вильно—въ 1525 г. [29])

Появленіе книгопечатанія въ Москвѣ тѣсно связано, конечно, съ Грознымъ. Но считать ли годомъ появленія именно 1564 г.? Историки указываютъ еще на 1547—48 гг., когда царь Грозный между другими мастерами уже выписывалъ изъ Германіи и типографщиковъ, которыхъ не пропустили въ Россію. [30]) Можно, однако, допустить, что многіе мастера все-таки въ Россію попали, а между ними могли быть и люди, свѣдущіе въ печатномъ дѣлѣ, [31])— предположеніе, конечно, не особенно вѣское, но интересное тѣмъ, что приведено оно въ цитованной выше статьѣ, такъ утвердительно отвѣтившей на вопросъ о первомъ книгопечарникѣ на Руси. «Въ 1552 г. датскій король Христіанъ III присылалъ въ Москву Ганса Миссенгейма, съ предложеніемъ царю принять протестантизмъ; Миссенгеймъ привозилъ съ собою Библію и двѣ другія книги, въ которыхъ содержалась сущность христіанской вѣры по новому ученію. Если бы царь согласился на предложеніе королевское, то Миссенгеймъ, переведя привезенныя имъ книги на русскій языкъ, долженъ былъ напечатать ихъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ. Неизвѣстно, прибавляетъ Соловьевъ, какъ принятъ былъ Миссенгеймъ Іоанномъ; невѣроятно, чтобы царь поручилъ устроеніе типографіи человѣку, присланному явно съ цѣлью распространенія протестантизма.» [32])

Очень жаль, конечно, что вопросъ о томъ, не печаталъ ли Гансъ Миссенгеймъ въ Москвѣ книгъ, не выясненъ; во вскомъ случаѣ, интересно свѣдѣніе, записанное у извѣстнаго библіографа Сопикова, который замѣчаетъ, что первая книга была отпечатана въ 1564 г. «подъ смотрѣніемъ уроженца Копенгагенскаго Ганса.» [33])

Другой библіографъ, Строевъ, прямо говоритъ, что «честь россійскаго Гуттенберга принадлежитъ датчанину Іогану Богбиндеру. Подъ его надзоромъ въ 1564 г. вышла изъ Московской книгопечатни первая книга Апостолъ.» [34])

Если все это догадки, предположенія и, въ крайнемъ случаѣ, только указанія на руководителя, то нельзя не отмѣтить того извѣстія, которое находимъ мы у Соловьева подъ 1556 годъ. Вотъ это извѣстіе. Въ упомянутомъ году Грозный писалъ Новгородскимъ дьякамъ: «Мы послали въ Новгородъ мастера *печатныхъ книгъ* (курсисъ подлинника) Марушу Нефедьева, велѣли ему посмотрѣть камень, который приготовленъ на помостъ въ церковь къ Пречистой къ Срѣтенію. Когда Маруша этотъ камень осмотритъ, скажетъ вамъ, что онъ годится на помостъ церковный и лице на немъ положить можно: то вы бы этотъ камень осмотрѣли сами, и мастеровъ добыли, кто бы на немъ лице наложилъ; а если самъ Маруша захочетъ поискуситься лице наложить, то вы бы, для образца, прислали къ намъ камня два или три... Маруша же намъ сказывалъ, что есть въ Новгородѣ Васюкомъ зовутъ Никифоровъ, умѣетъ рѣзать всякую рѣза; и вы бы того Васюка прислали къ намъ въ Москву.» [35])

Всѣ приведенныя историческія данныя способны поколебать увѣренность въ томъ, будто Иванъ Ѳедоровъ не имѣлъ на Руси предшественниковъ, и что слѣдовательно «Сказаніе извѣстно» не безъ основанія отмѣчаетъ существовавшее въ XVII в. преданіе: «повѣствуется—говоритъ оно—отъ нѣкихъ, яко *преже ихъ* (т. е. Ѳедорова и Мстиславцева) *нѣцыи* или, будетъ, и они сами малыми нѣкими и неискусными начертаніи печатываху книги». [36])

Трудно сомнѣваться, что Иванъ Ѳедоровъ, такъ охотно

говорящій о себѣ въ Предисловіяхъ и Послѣсловіяхъ, не преминулъ бы сказать, если бы дѣйствительно раньше Московскаго Апостола онъ печаталъ книги, а потому изъ приведенныхъ словъ преданія можно съ полнымъ основаніемъ оставить только слова: «*преже ихъ нѣцыи печатываху книги*». Что эти «нѣцыи» были, подтверждаютъ не только историческія свѣдѣнія, которыхъ, могутъ сказать, не совсѣмъ достаточно; но и простыя соображенія вмѣстѣ съ данными археологіи. Спокойный эпическій разсказъ Ѳедорова о томъ, что царь сталъ размышлять, какъ бы устранить зло отъ распространенія искаженныхъ книгъ, что потомъ пришло ему на мысль устроить типографію и т. п. не представляется особенно правдоподобнымъ, если мы вспомнимъ, что въ вѣкъ Грознаго жилъ еще Максимъ Грекъ († 1556). Послѣднему, конечно, прекрасно было извѣстно о книгопечатаніи «въ Грекахъ»; могъ ли онъ, съ такой энергіей и настойчивостью указывавшій средства къ прекращенію порчи книгъ, не указать на главнѣйшее—книгопечатаніе? И можно ли, въ такомъ случаѣ, сомнѣваться, что Грозный заботился о пріисканіи и находилъ книгопечатниковъ? Между послѣдними могли быть даже люди достаточно опытные, подобные Нефедьеву, котораго царь и послалъ въ Новгородъ съ порученіемъ осмотрѣть камень, какъ человѣка, извѣстнаго уже именно своею опытностью.

Далѣе: согласна ли—спрашиваютъ [37])—съ живымъ, страстнымъ характеромъ Грознаго та медлительность, съ какой вводилось книгопечатаніе? Это десятилѣтнее бездѣйствіе, по-мимо простой несообразности, несовмѣстимо ни съ развившейся въ то время въ Россіи потребностью въ книгопечатаніи, ни съ извѣстной энергіей Іоанна IV, ко-

торый незадолго предъ тѣмъ (1547—48, 1552) такъ настойчиво заботился о вызовѣ изъ-за границы типографовъ и — прибавимъ — съ такимъ искреннимъ соболѣзнованіемъ говорилъ о порчѣ книгъ на Соборѣ 1551 г.

Еще: страннымъ и положительно необъяснимымъ кажется и отношеніе Грознаго къ самому факту бѣгства книгопечатниковъ. Царь совсѣмъ не заявляетъ о себѣ. Я бы сказалъ: не такъ относятся къ людямъ, въ которыхъ нуждаются и—главное—которыхъ *некѣмъ замѣнить*..... Выше я указалъ на то, что Ѳедоровъ на царя не жалуется, хоть и могъ-бы, пиша, подобно Курбскому, на чужбинѣ. Виновниками и гонителями, по словамъ Ѳедорова, были «многіе начальники, священноначальники и учители», которые «зависти ради многія ереси умышляли.[38]) Если вспомнимъ, что фактъ сожженія дома, въ которомъ помѣщалась типографія, собственно говоря, сомнителенъ, что виновниками всѣхъ непріятностей для Ѳедорова были «многіе учители, священноначальники и начальники», наконецъ, что Грозный, по видимому, отнесся къ факту бѣгства книгопечатниковъ безучастно, то самъ собою возникаетъ вопросъ: не было ли у Ѳедорова среди этихъ «начальникъ и учитель» враговъ, имѣвшихъ мало общаго съ массой?

Съ другой стороны: извѣстіе о напечатаніи въ 1568 г., слѣдовательно, чрезъ 3—4 года послѣ бѣгства Ѳедорова и Мстиславцева, въ Москвѣ Андроникомъ Невѣжею Псалтири,[39]) не говоритъ ли о томъ, что въ непривѣтливой встрѣчѣ Ѳедорова скрывается что-то, близко касавшееся его личности— взглядовъ, убѣжденій, что сама по себѣ печатная книга не была такимъ для всѣхъ страшилищемъ? Кстати: на извѣстіе это о продолженіи книгопечатанія ссылается и ав-

торъ брошюры «Иванъ Өедоровъ, русскій первопечатникъ», А. С. Петрушевичъ, прибавляя: «къ счастію, однако, съ удаленіемъ ихъ (Өедорова и Мстиславцева) печатаніе книгъ не прекратилось на долго, ибо оставшіеся ихъ сотрудники (?) Андроникъ Тим. Невѣжа и Никифоръ Тарасіевъ продолжали начатое дѣло [40]) и т. д. Спрашивается: естественно ли такое скорое продолженіе дѣла, если Өедоровъ и Мстиславцевъ дѣйствительно были обвиняемы въ ереси за книгопечатаніе *исключительно*, и если виновниками ихъ удаленія были писцы, на которыхъ, я думаю, не преминулъ бы пожаловаться Өедоровъ?

Конечно, выясненіе этого вопроса—дѣло будущихъ открытій и изслѣдованій въ области исторіи и археологіи; но едва ли будетъ простительно игнорировать то, что уже добыто наукой. Послѣдняя — продолжу соображенія—выражаетъ напр. даже такую увѣренность, что «изъ типографіи Московской столь удовлетворительнаго опыта, съ самаго начала (какъ Апостолъ 1564 г.) явиться не могло; что въ развитіи дѣятельности этой типографіи должна была имѣть мѣсто извѣстная постепенность, и опытамъ совершеннымъ должны были предшествовать опыты менѣе совершенные, [41]) чѣмъ Апостолъ, напечатанный Өедоровымъ...

И такъ, скажу словами «Сказанія о воображеніи книгъ печатнаго дѣла»: «*прежде ихъ* (т. е. Өедорова и Мстиславцева) *нѣцыи.... малыми нѣкими и неискусными начертаніи печатываху книги*». Но гдѣ же ихъ труды? И кто были они, эти «нѣцыи», чтобы и ихъ помянуть достойно? Если бы даже трудовъ ихъ мы совсѣмъ не знали, то и тогда дѣло мало проиграло бы, такъ какъ фактъ существованія этихъ трудовъ едва ли подлежалъ бы сомнѣнію,

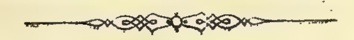
а наше незнаніе не особенно было бы удивительно; но указываютъ и на изданія, принадлежащія, по всей вѣроятности, Москвѣ и появившіяся до перваго опыта Ѳедорова. Г. Викторовъ предлагаетъ обстоятельное описаніе признаковъ старо-печатныхъ памятниковъ (гл. обр. два Евангелія и Тріодь); признаки эти, опровергая существовавшее предположеніе объ отношеніи этихъ памятниковъ къ произведеніямъ южныхъ типографій, указываютъ, что изданія эти принадлежатъ печати Московской и могли явиться только въ періодъ прежде Апостола 1564 г., а открытіе подписей годовъ 1562 и 1563, когда одно Евангеліе и одна Тріодь были отданы, какъ даръ, въ церкви, подтверждаетъ, говоря словами автора, «съ математическою точностью» фактъ существованія этихъ памятниковъ до 1564 г. [42]) Труднѣе отвѣтить на второй вопросъ, назвать имена этихъ предшественниковъ Ѳедорова: печатали-ли иностранцы, у которыхъ научился и самъ Ѳедоровъ, Нефедьевъ-ли, Андроникъ-ли Невѣжа «съ товарищами»,—утверждать нельзя. Только, если бы спросили, кого считать первымъ книгопечатникомъ не на Руси, не въ Москвѣ, *а русскимъ*, въ смыслѣ перваго представителя русской печати, содѣйствовавшей «наученію простыхъ людей языка русскаго», то въ такомъ случаѣ мы должны были бы привести имена д-ра Франциска Скорины, Кувечинскаго, Буднаго, Кришковскаго. Изъ нихъ Скоринъ еще въ 1517 г. напечаталъ въ Прагѣ «Библію Руску Богу ко чти и людемъ *посполитымъ* къ доброму наученію», въ переводѣ съ Вульгаты Литовско-русское нарѣчіе, [43]) а послѣдніе три издали въ Несвижѣ въ 1562 г. «Катихизисъ, т. е. наука стародавная христіанская отъ светого письма, для *простыхъ* людей

языка русскаго...» [44]) Чрезвычайно важная идея о печати и просвѣщеніи на простомъ русскомъ языкѣ зародилась и развилась въ Западной Россіи, оттуда въ XVII в. перешла съ юго-западными учеными на Сѣверъ, гдѣ вполнѣ осуществилась, какъ извѣстно, лишь сравнительно недавно, съ появленіемъ перевода священныхъ книгъ на русскій языкъ. [45]) Ѳедоровъ едва-ли сочувствовалъ этой идеѣ, какъ можно заключить не только изъ того, что печаталъ онъ книги исключительно церковно-славянскимъ Кирилловскимъ письмомъ. [46]) По крайней мѣрѣ, попытка напечатать въ Заблудовѣ Евангеліе учительное въ переводѣ «на простую молву» оказалась неудачной. «Помыслимъ же былъ есми и се»—сказано въ Предисловіи отъ имени Ходкевича—«иже бы сію книгу, выразумѣнія ради простыхъ людей, преложити на простую молву и имѣлъ о томъ попеченіе великое: и совѣщаша ми люди мудрые, въ томъ письмѣ учоные, иже прекладаніемъ съ давнихъ пословицъ на новые помылка учинится немалая, яко же и нынѣ обрѣтается въ книгахъ новаго переводу; того ради сію книгу, яко здавна писанную, велѣлъ есми ее выдруковати....» [47]) Очень можетъ быть, конечно, что Иванъ Ѳедоровъ, раздѣлявшій мнѣніе «людей мудрыхъ», а то и самъ участвовавшій въ числѣ совѣтниковъ Ходкевича, выказалъ въ этомъ случаѣ похвальную осторожность; но для насъ важенъ самый фактъ, а не его объясненіе.

Такимъ образомъ, Франциску Скоринѣ принадлежитъ честь *русскаго* первопечатника въ смыслѣ печатанія на «той простой молвѣ», которой не сочувствовалъ Ѳедоровъ почему бы то ни было. До Ѳедорова же были книгопечат-

ники кириллицею (см. здѣсь стр. 24, прим. 46) внѣ Россіи и въ самой Москвѣ....

Заканчивая сообщеніе, я бы желалъ установить однако окончательный взглядъ на Ивана Өедорова. Въ исторіи Россіи, да и не одной Россіи, онъ, безъ сомнѣнія, долженъ занимать одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ. Дѣло книгопечатанія, находившееся въ колебаніи не только въ Россіи, со времени Өедорова становится на твердую почву. Мы видѣли, что, куда ни являлся энергичный Московскій книгопечатникъ, оно всюду или возобновлялось, или усовершенствовалось, или же являлось дѣломъ, дотолѣ невиданнымъ. Жизнь, полная борьбы и лишеній, нравственная личность, невольно вызывающая симпатіи, плоды дѣятельности, для всѣхъ очевидные... все на сторонѣ Өедорова, не забытаго хоть отдаленнымъ потомствомъ. Но умалится ли слава этого честнаго сѣятеля «сѣмянъ духовныхъ», если рядомъ съ нимъ мы помянемъ добрымъ словомъ и тѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ тружениковъ печатнаго дѣла, которые своею дѣятельностію, быть можетъ, открыли путь и плодотворной дѣятельности самого Өедорова? Отъ лица этихъ-то извѣстныхъ и неизвѣстныхъ тружениковъ, предшественниковъ Өедорова, хочется сказать то, что съ такой скромностью, простотой и искренностью сказалъ его клевретъ Мстиславцевъ въ обычномъ Послѣсловіи при напечатанномъ имъ въ Вильно Евангеліи Напрестольномъ:.... «молимъ вы, и насъ не забывайте трудившихся!» [48])

Ссылки и примѣчанія.

1) Соловьевъ, Исторія Россіи т. VI, стр. 259.
2) Пташицкій, Иванъ Ѳедоровъ, Московскій первопечатникъ. Пребываніе его во Львовѣ, 1573 — 1583 г. Очеркъ по вновь открытымъ матеріаламъ, «Рус. Стар.» Мартъ, 1884 г., стр. 461—478 г.
3) Предисловія и Послѣсловія всѣ напечатаны у Строева: «Обстоятельное описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ и россійскихъ, хранящихся въ библіотекѣ гр. Ѳ. А. Толстаго, М. 1829 г., а Послѣсловіе при Апостолѣ 1574 г. все есть и у А. С. Петрушевича: «Иванъ Ѳедоровъ, Русскій первопечатникъ. Историческо - библіографическое разсужденіе. Львовъ, 1883 г.
4) «Сказанія о воображеніи книгъ печатнаго дѣла» изъ Синод. Сб. б. привед. у Буслаева, И. Х., 1861, 207.
5) Стоглавникъ—«О книжныхъ писцѣхъ», гл. 28.
6) См. ссылку. 4)
7) Буквально: «И тако возвѣщаеть мысль свою преосвященному Макарію, митрополиту всея Россіи. Столь же слышавъ, зело возрадовася, и Богови благодареніе воздавъ, царю глаголаше, яко отъ Бога извѣщеніе пріемшу и свыше даръ сходящъ....» Строевъ стр. 25—28.
8) Послѣсловіе при Львовскомъ Апостолѣ 1874 г. Строевъ, стр. 33.
9) Кажется, сомнительное свидѣтельство Флетчера, привод. въ ст. «Обз. Графич. Иск.» 5 Декабря 1883 г., стр. 12—13.
10) См. ссылку. 3)
11) Тамъ же 38.
12) Тамъ же 34.
13) Заблудово нынѣ мѣстечко Бѣлостокскаго уѣзда, Гродненской губерніи, въ 240 в. отъ Вильно, у Петрушев. на 16 — 19 стр. см. полныя заглавія изданныхъ въ Заблудовѣ книгъ и описаніе ихъ.
14) Послѣсловіе при Львовскомъ Апостолѣ. Строевъ, стр. 34.
15) Тамъ же 35.
16) Тамъ же 37.
17) Рус. Стар. Мартъ 1884 г., стр. 454—465.
18) Тамъ же 465, 468, 469 и др.
19) Тамъ же 470—471.

20) Тамъ же 472 (Счетъ долговъ). Надпись у Петрушевича, 25—26.
21) Рус. Стар. 475.
22) См. ссылку 14.
23) Послѣсловіе Львовскаго Апостола. Строевъ, 35.
24) Рус. Стар., 468.
25) Тамъ же 469—470.
26) Послѣсловіе Львовскаго Апостола, стр. 37.
27) Тамъ же 38.
28) «Обзоръ Графич. Иск.» Ст. Феликсова, стр. 20—21.
29) Перечень годовъ и мѣстъ: у Сопикова (таблица) «Опис. Рос. библ.», ч. 1. стр. 33—45, у Строева и у Соловьева, а также у Петрушевича, стр. 1—2.
30) Соловьевъ, И. Г. VI, 258 — 258. Подробно и у Карамзина, И. Г. Р., VIII, 127—128 (3-е изд.).
31) Строевъ, см. Введеніе. О. Г. И. 20—21.
32) Соловьевъ, 258.
33) Сопиковъ, «Описаніе Р. б.», ч. 1, стр. 55.
34) Строевъ, Введеніе VII. Здѣсь Өедоровъ названъ сотрудникомъ Богбиндера, — имя не родовое (переплетчикъ), почему мы и согласны съ предположеніемъ Петрушевича, что «Богбиндеръ кажется быти одно и то же лице съ Миссенгеймомъ» (стр. 13, второе примѣч.).
35) Соловьевъ И. Р. 60.
36) Бусл. И. X- 209.
37) Не было ли въ Москвѣ опытовъ книгопечатанія прежде первопечатнаго Апостола 1564 г.? Реф. А. Е. Викторова, см. Труды 3-го Арх. съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Кіевѣ 1874 г., стр. 211—220.
38) Л. А. Строевъ, 33.
39) Соловьевъ И. Р., 250. Петрушевичъ, Иванъ Өедоровъ, стр. 4.
40) Петрушевичъ, 4.
41) Викторовъ, Тамъ же 212.
42) Тамъ же 314, 316.
43) 44) Подробн. загл. у Строева, 6.
45) Подробнѣе эту мысль см. «Вѣстн. Евр.» 1884 г. III, стр. 413—419.
46) Первыя же церковныя книги, Кириллицею, появились въ Краковѣ въ 1491 г., изд. типографъ Швайпольтъ Фѣолъ напечаталъ: *Осмогласникъ Часословъ* 4°; *Псалтирь съ Возслѣдованіемъ* 4°; потомъ около того же года 1491 появилась *Тріодь постная и Тріодь цвѣтная* (Петрушевичъ, 1).
47) Еванг. Учит., Строевъ, 31.
48) Ев. П. Строевъ, 43.

